

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

ПУСТЫЕ
ХЛОПОТЫ

Часть сборника: Свой путь (сборник)

Мария Метлицкая

Пустые хлопоты

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Метлицкая М.

Пустые хлопоты / М. Метлицкая — «Эксмо», 2017

«Молодой врач с серыми оловянными глазами спокойно сказал, что пока ничего не ясно, а ясно станет тогда, когда разрежут и увидят. Увидят что? Этого не знает никто. Хотелось бы, конечно, надеяться на лучшее, но Вика готовилась к худшему. Что поделаешь, такой характер. И Вика Василькова приготовилась умирать – неизвестно, как распорядится судьба. Вика вообще была абсолютной фаталисткой. И еще она была человеком крайне дотошным и педантичным...»

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2017
© Эксмо, 2017

Мария Метлицкая

Пустые хлопоты

Молодой врач с серыми оловянными глазами спокойно сказал, что пока ничего не ясно, а ясно станет тогда, когда разрежут и увидят. Увидят что? Этого не знает никто. Хотелось бы, конечно, надеяться на лучшее, но Вика готовилась к худшему. Что поделаешь, такой характер. И Вика Василькова приготовилась умирать – неизвестно, как распорядится судьба. Вика вообще была абсолютной фаталисткой. И еще она была человеком крайне дотошным и педантичным.

Себя она называла реалистом, склонным, как все реалисты, к пессимизму. В этой ситуации она оставалась верна себе. Да нет, после визита к врачу поплакала, конечно, и даже обрелась – живая ведь. А потом села спокойно на кухне, посмотрела в окно, задумалась и решила составить список неотложных дел, без выполнения которых, как она считала, ее миссия на земле не была бы вполне завершенной. На все про все у нее оставалось две недели – врач с оловянными глазами тянуть с операцией не советовал.

Вика вырвала лист из блокнота. Итак, по пунктам:

1. Переклеить обои в Ксюниной комнате (старые в дырках от подростковых постеров и флаеров).
2. Выстирать занавески – два раза (кухня и гостиная).
3. Вымыть все три окна (Ксюня, понятное дело, до этого доберется не скоро, года через три-четыре).
4. Вызвать электрика и починить наконец розетку на кухне (искрит, а это опасно). Вика выдергивает из нее шнур от чайника всякий раз, когда выходит из дома и на ночь, а кто рассчитывает, что Ксюня не забудет делать то же самое?
5. Починить «молнию» в осенних сапогах.

Вика призадумалась и этот пункт, вздохнув, решительно вычеркнула. Сейчас январь, и осенние сапоги ей уже вряд ли пригодятся. К чему тратить деньги? О том, что их доносит Ксюня, не было и речи. Ксюня зимой и летом носит черные мужские ботинки на шнурках, с толстой рифленой подошвой. Значит, правильно – вычеркиваем.

Теперь о долгах. Негоже уходить на тот свет, оставляя долги на этом. Сто долларов соседке Ритке, полторы тысячи рублей Ольге Ивановне на работе. Да, еще заполнить квитанции по квартплате хотя бы на полгода вперед – Ксюня в этом точно не разберется. Хорошо, что в записке есть деньги. Вика копила на новую дубленку цвета «баклажан». Вспомнив о дубленке, она снова горько разрыдалась, и ей стало безумно себя жаль – этой дубленки у нее теперь не будет никогда. Потом она умылась холодной водой, выкурила сигарету и продолжила свой список.

Отправить сестре в Мурманск старую каракулевую шубу. Сначала думала сделать из нее жакет, но теперь-то это точно ни к чему. А сестра еще шубу вполне поносит. Да, не забыть положить в карман шубы письмо, где Вика попросит у сестры за все прощение и еще напишет, чтобы та поменьше о ней горевала. Всякое в жизни случается.

Теперь из области нематериального. Расстаться с Василевским. Сделать это сейчас и самой. Сейчас, в свете происходящих событий, сделать ей это будет почти легко. Если бы не обстоятельства, не решилась бы ни за что. А так можно уйти первой, громко хлопнув дверью. Пусть помучается! А правду ему знать необязательно. Следующим пунктом – помириться с Рыжиком. А это даже труднее, чем хлопнуть дверью в предыдущем пункте.

Да, чуть не забыла: серьезно разобраться с Ксюней по поводу ее дурацких планов бросить институт и пойти работать диджеем в ночной клуб. Просто взять с нее клятвенное обещание! И последним пунктом... Тут Вика серьезно призадумалась, надо ли вообще это вносить

в повестку, но, подумав, все же решила – надо. И написала: позвонить Курносовой в Израиль. Позвонить и все объяснить, а то как-то смешно и глупо, ей-богу, все получилось.

Внимательно просмотрев свои записи, Вика поняла, что охвачено все самое главное, а это означало, что надо браться и все это исполнять – строго по пунктам. Ну, с обоями все ясно, с занавесками тоже проще простого. Окна вымыть – ерунда, главное – надеть куртку, теплые носки и замотать голову шарфом – чай, не лето на дворе. В ЖЭК позвонила – электрика обещали прислать через пару дней. Долги соседке и коллеге отдала – все удивились и обрадовались. Шубу достала с антресолей, проветрила на балконе, зашила дырявый карман. С письмом решила подождать день-другой. Начнешь писать – опять одни слезы. Легко ли простаться?

Теперь оставались дела посерьезнее. Итак, Василевский. Знакомы они были уже сто лет, с самого института, когда закрутился обычный студенческий роман – легкий и необременительный. Бродили по улицам, забегали в киношки на последний ряд, сидели в кафе-мороженном на Горького – два бокала шампанского, два пломбира с вареньем, на большее денег не было. Просили ключи от комнаты в общежитии, но она редко была свободна. Их так и звали – Васильки: фамилии-то однокоренные. Но хоть и однокоренные, а что такое Василькова? Простенько и незатейливо, без вкуса, прямо скажем. А Василевский – уже вполне себе фамилия. Звучит – будьте любезны. В общем, любовь любовью, а летом Вика улетела в Мурманск к сестре, а Василевский отправился с родителями в Крым. И там, в Рыбачьем, он закрутился с девицей из Таллина – та приехала погреться у теплого моря. Звали ее Майра. Дело кончилось обычным образом, по-житейски: погуляли – расстались, и Василевский с открытым сердцем и слегка подпорченным от своей случайной измены настроением вернулся в Москву, сильно тоскуя по Вике. Но не тут-то было. В конце ноября в Москву явилась эстонская Майра и предъявила Василевскому вполне образовавшийся живот. Деваться было некуда – сыграли свадьбу. Василевский тогда днями рыдал у Вики на плече. Днями – у Вики, а ночью, понятное дело, – у Майры. Но встречаться с Викторией не перестал, теперь вот окончательно и твердо поняв, где любовь, а где чувство долга. Майру эту, кстати, Вика сразу стала называть Сайрой. Так и сложилось. Сначала Василевский просил Вика подождать год-два максимум – пусть ребенок чуть подрастет, а то как-то неудобно получается. Но прошло четыре года, Василевский полюбил дочку всем сердцем, и на пятый год Вика разозлилась и выскочила замуж. Именно выскочила. За водителя-дальнобойщика. Жизнь ее почти не изменилась: дальнобойщик почти всегда в рейсе, а если он дома, то спит целыми днями – и как бы его опять нет. Через три года собрала ему вещички и выставила за дверь. Он даже не удивился. Из воспоминаний остались две покрывала на балконе и дочка Ксюня. Василевский поначалу почти оскорбился. Все возмущался: как же ты можешь предавать любовь? К нему эти претензии не относились. Себя он считал стороной пострадавшей, как ни посмотри. У него просто все так исторически сложилось, он не виноват. Себя он считал человеком приличным. После того как дальнобойщик тихо съехал, Василевский опять возник в Виктории жизни – прямо на следующий день, как черт из табакерки. Вика открыла дверь и увидела, как Василевский стоит, прислонившись к стене, заплетая ногу за ногу, и курит. Взгляд в пространство, а во взгляде – тоска и любовь. Помолчали минут десять, Вика вздохнула ипустила его в квартиру. Проявила слабость. Вот за эту слабость и расплачивается все последние шестнадцать лет. О его уходе из дома больше не говорили. Что оставалось, кроме любви? Одинокие праздники и выходные, в отпуск вдвоем с Ксюней, гвоздь забить – Вика, картошку притащить – опять она. А что Василевский? С карьерой не очень-то сложилось, дома Майра со взглядом сайры, радости никакой, одни повинности и оброк. Вика же – счастливый человек: никакого ежедневного раздражителя в виде мужа, ни отрицательных эмоций, ни чужого человека в постели. Есть родная дочка Ксюня и еще свобода – хочу халву ем, хочу – пряники. Ни тебе носков грязных, ни борщей. Кого пожалеть? Правильно, Василевского. Вот она его и жалела. Два раза в неделю – во вторник, в обеденный перерыв, и в пятницу – с 18.00 до 21.00. Это называлось – клуб нумизматов, для Майры,

разумеется. Но, как она ни храбрилась, конечно, в душе хотелось и борщей, и тихих семейных выходных, и каждый вечер, и каждое утро... Чтобы семья, чтобы как у людей, а не по штатному расписанию. И чтобы утром проснуться и просто так поваляться и поболтать, а потом, накинув халатик, бежать на кухню и варить ему кофе. И, открывая дверь в прихожей каждый вечер, класть ему голову на грудь – на минуту и зажимиваться – соскучилась. И знать, что это только твой человек. Твой, и больше ничей. И нет на свете никакой Сайры. Но Вика гордая. Не хотите – не надо. Сами не попросим. А вот сейчас и пришло то время, когда можно Василевскому взять и прямо так сказать: «Знаешь, мой милый, я просто устала. – И еще так жестко: – Хватит решать проблемы за мой счет. Халява кончилась». Вот такой Вика придумала текст и отрепетировала. Понравилось – коротко, веско и минимум пафоса. Что и требовалось доказать. Эта акция была запланирована на следующий четверг – аккурат за день до отправки в больницу. Чтобы он не смог ее достать и выяснить отношения. А что будет дальше, ее уже не касается. Вернее, скорее всего, не коснется. Так как потом ее уже не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.